

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№). . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца . . . 6
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 11 февраля
30 января 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Политическія затѣи официальныхъ народниковъ и внутреннее дѣло въ Россіи. — 2) Изгнаніе П. Лаврова изъ Франціи. — 3) Прибытіе г-жи Бардиной въ Женеву. — 4) Покушеніе на личность синодальнаго оберъ-прокурора. — 5) Конспиративная квартира у Николаевского моста и новыя аресты. — 6) Новыя жертвы административнаго провоза. — 7) Катковъ—воспитатель цесаревича. — 8) «Новому Времени» о польскомъ вопросѣ. — 9) М. А. Бакунинъ о правдѣ и нравственности въ революціи. М. Д. — 10) Литературно-политическія замѣтки: III, Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ, М. Драгоманова. — 11) Югославянская борьба и политика цетинскаго правительства (корреспонденція «Вольнаго Слова»), П—пчъ. — 12) Всеобщій переполохъ въ Галиціи, М. Драгоманова. — 13) Хроника равачаго движенія: I Соединенные Штаты Сѣв. Америки. (Рабочій конгрессъ въ Нью-Йоркѣ. Стачки). II Франція (Исключеніе группы «Egalité» изъ федераціи центральной области Франціи. III Австро-Венгрія (Отзывы буржуазныхъ газетъ о социальнo-политическихъ отношеніяхъ въ Венгріи. Полицейско-судебныя преслѣдованія социалистовъ. Отношенія послѣднихъ къ подавленію независимости сербскихъ племенъ). IV Италія. — 14) Жертвы антиеврейскаго движенія въ Варшавѣ по занятіямъ. — 15) Мелочи: «Вольное Слово» и «Оса»; либерализмъ и народничество въ русскихъ газетахъ. — 16) Поправки. — 17) Объясненіе.

ЖЕНЕВА, 11 февраля 1882 г.

Существуетъ предположеніе, что клика официальныхъ народниковъ старается возбудить общественное вниманіе къ участи вступившихъ въ кровавую борьбу за свободу босняковъ и герцеговинцевъ и втянуть Россію въ эту борьбу съ цѣлью отвлеченія умовъ отъ вопросовъ внутренняго переустройства, такъ рѣшительно поставленныхъ на очередь нашими земствами и передовою печатью. Неотложность разрѣшенія этихъ вопросовъ указывается самою жизнью: повсемѣстною неурядицею, неспокойствомъ массъ, неуверенностію въ завтрашнемъ днѣ, начинающая отъ изпураемаго дифтеритомъ, непо-

сильными поборами и самоуправствомъ властей земледѣльца и кончая окруженнымъ наружнымъ блескомъ, но нравственно пригнетеннымъ главою государства. Не думаемъ, чтобы при такихъ условіяхъ новыя бѣдствія, порождаемая войною, новыя тягости, новыя кровавыя жертвы въ состояніи были «поднять народный духъ» не въ смыслѣ ускоренія взрыва всенароднаго негодования, а въ смыслѣ водворенія въ средѣ управляемыхъ «терпѣнія и любви», успокоить возбужденные нервы, упорядочить разстроенную жизнь. Населеніе Россіи безъ различія классовъ и національностей не можетъ, конечно, не сочувствовать освободительной борьбѣ сербскаго народа, не терпящаго своего обезличенія въ австро-венгерскомъ дуализмѣ, въ чуждыхъ его національному духу формахъ государственной жизни; но самое это сочувствіе не могло бы явиться безъ остраго ощущенія нами своего собственнаго недуга, безъ сознанія необходимости выйдти самимъ изъ удручившей атмосферы сложившихся обстоятельствъ на чистый воздухъ, на свѣтъ и просторъ свободы и права.

Мыслящимъ людямъ общества, сознательной части народа нечего обращать вниманія на то, что генералу Скобелеву надобно оргіи загородныхъ ресторановъ и захотѣлось предаться вновь сильнымъ ощущеніямъ на полѣ битвы, среди труповъ безпощадно (для вящей славы, разумѣется, хотя нерѣдко и безъ надобности) истребляемыхъ имъ полковъ и цѣлыхъ дивизій; имъ нечего заслушиваться ходульно-восторженныхъ возгласовъ московскихъ пророковъ объ историческомъ призваніи Москвы (не Россіи); пусть и петербургскіе генералы, и московскіе пророки пьютъ, приходятъ въ экстазъ и потрясаютъ кровавымъ знаменемъ шовинизма, ослѣпляющимъ, правда, но ослѣпляющимъ лишь дикіе инстинкты,—на то они

люди меча и люди праздной фантазіи;—людямъ мысли, людямъ дѣла, общественнымъ дѣятелямъ всей страны слѣдуетъ идти своею дорогою, требовать исполненія того, на чемъ они уже стали, безъ чего наше настоящее сдѣлалось невозможнымъ и что должно лечь устоємъ, краеугольнымъ камнемъ нашей будущей народно-государственной жизни.

Гражданская доблесть нашего времени имѣетъ весьма мало общаго съ военными подвигами и рѣшительно враждебна завоевательнымъ замысламъ. Да и къ какимъ практическимъ результатамъ приводятъ эти подвиги, если они не направлены къ достиженію широкаго гражданского идеала и не отъ него отправляются? Русское правительство на опытѣ могло убѣдиться, что даже имъ освобожденные народы не вѣрятъ въ искренность его освободительныхъ намѣреній. А почему не вѣрятъ? Потому что у себя дома оно систематически преслѣдовало цѣли прямо противоположныя; потому что въ Карской области, въ центральной Азіи оно показало себя только завоевательнымъ, а болгарская конституція, имъ созданная, съ его же согласія уничтожена Батенбергомъ. Подаренные Австро-Венгріи босняки и герцеговинцы скоро увидѣли, что освобожденіе отъ турецкаго ига безъ права самоуправленія еще не даетъ свободы и даже не улучшаетъ матеріальнаго быта народа; а пользующееся самоуправленіемъ населеніе Восточной Румелии не чувствуетъ давленія стамбульской деспотіи и, находясь лишь въ номинальной зависимости отъ Высокой Порты, даже и думать забыло о петербургскомъ правительствѣ. Покуда верховная власть въ Россіи откровенно не признаетъ за своими подданными права на самоуправленіе, или покуда само населеніе не приобрѣтетъ этого права, покуда въ управленіи страной голосъ земли не займетъ мѣста дворцовой и канцелярской

«Государственность и анархія» (въ 1873 г.) Бакунинъ говоритъ:

«Народа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ и для какой бы то ни было цѣли обманывать не слѣдуетъ. Это было бы не только преступно, но и въ видахъ достиженія революціоннаго дѣла вредно; вредно уже потому, что вслѣдствіе обману по существу своему близорукъ, мелокъ, тѣсенъ, всегда шитъ бѣлыми и гнилыми нитеями, вслѣдствіе чего непремѣнно обрывается и раскрывается, и для самой революціонной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направленіе. Человѣкъ сплелъ только тогда, когда онъ весь стоитъ на своей правдѣ, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ сообразно своимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ. Тогда въ какомъ бы положеніи онъ ни былъ, онъ всегда знаетъ, что ему надо говорить и дѣлать. Онъ можетъ пасть, но осрамиться и осрамить своего дѣла не можетъ. Если мы будемъ стремиться къ освобожденію народа путемъ лжи, мы непремѣнно запутаемся, собьемся съ пути, потерлемъ изъ виду самую цѣль, и если будемъ имѣть хотя какое нибудь вліяніе на народъ, собьемся съ пути и самый народъ, т. е. будемъ дѣйствовать въ смыслѣ и на пользу реакціи».

Въ письмѣ къ одному русскому революціонеру, одно время стоявшему близко къ Бакунину, послѣдній писалъ между прочимъ:

«Въ сношеніяхъ съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя природа позволитъ... на іезуитскомъ мошенничествѣ пичего живаго, крѣпкаго не построишь... революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ... безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала, никогда революція не восторжествуетъ»...

М. Д.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

III.

Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ.

Читатель, пробѣжавшій написанное выше заглавіе, можетъ подумать, что мы собираемся путить падъ «постояннымъ помѣстнымъ соборомъ Всероссійскія церкви». Нельзя сказать, чтобъ дѣйствія этого собора, — или же духовной канцеляріи, какъ его называютъ нѣкоторые даже православные, — не возбуждали иногда подобнаго желанія. Но на этотъ разъ мы совершенно далеки отъ такого желанія, — и предполагаемъ съ возможною серьезностью обратить вниманіе читателей на одно явленіе изъ религіозно-культурной жизни въ Россіи, которое не можемъ назвать иначе, какъ конфискаціею извѣстнаго количества человѣческихъ языковъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Мы сказали: «явленіе религіозно-культурной жизни», — и, какъ читатель увидитъ дальше, явленіе, о которомъ мы поведемъ рѣчь, вѣроятно преимущественно въ кругъ жизни рели-

гіозной, затрагиваетъ интересы и свѣтской культуры. Но, если бы даже оно касалось исключительно круга явленій жизни религіозной, то мы все таки, рискуя потерять извѣстное количество читателей, которые считаютъ эту жизнь ни мало не интересною для людей, вышедшихъ изъ религіознаго міросозерцанія, — не остановились бы повестить о немъ рѣчь даже передъ публикою заграничнаго политическаго изданія.

Мы сами не забудемъ, чтобъ русскія заграничныя политическія изданія, со временъ Кельсиева и Огарева, которые думали было привлечь къ революціонному движенію раскольниковъ, обращали вниманіе на тотъ кругъ явленій, изъ котораго мы теперь беремъ предметъ для бесѣды съ читателемъ. Если только признать, что политическая печать существуетъ исключительно для тѣхъ круговъ, изъ которыхъ выходятъ — или, лучше, въ которыхъ живутъ сами публицисты, да еще крайняго лагеря, то, конечно, такое невниманіе русской заграничной политическаго печати къ явленіямъ жизни религіозной можетъ быть вполне оправдано. Но мы думаемъ, что печать, даже заграничная, существуетъ для всѣхъ слоевъ населенія страны, — а, слѣдовательно, должна касаться и всѣхъ ихъ интересовъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что публицистика должна непремѣнно подчинять свои воззрѣнія понятіямъ того или иного изъ этихъ слоевъ. Совсѣмъ напротивъ: публицистъ, имѣющій основаніе или претензію, считать свои воззрѣнія болѣе вѣрными, чѣмъ воззрѣнія извѣстныхъ слоевъ общества, можетъ и долженъ сохранить ихъ во всей ихъ неприкосновенности и ставить вопросъ о какомъ бы то ни было явленіи, интересномъ для этихъ слоевъ, именно въ связи съ тѣми идеями, какихъ онъ самъ держится и пользоваться интересомъ, какой пробуждаетъ въ какомъ либо слоѣ общества данное явленіе, для проведенія въ этотъ слоѣ именно тѣхъ идей, какихъ держится самъ публицистъ.

А нельзя же отрицать, что явленія религіозной жизни интересуютъ еще огромное число населенія въ Россіи, не только въ т. из. низшихъ классахъ, но и въ высшихъ. Люди положительно-научнаго воспитанія не могутъ, конечно, сами раздѣлять этихъ интересовъ, но должны относиться къ нимъ съ точки зрѣнія свободы совѣсти. Ставши на эту точку зрѣнія и требуя, чтобъ весь строй политическихъ учреждений, соприкасающихся съ областью религіозной жизни, былъ основанъ на принципахъ этой свободы, люди положительно-научнаго образованія не только могутъ подавать свой умѣряющій религіозныя разногласія голосъ о разныхъ явленіяхъ жизни общества, соприкасающихся съ религіею, но и обратитъ религіозно-настроенные элементы общества, а особенно тѣ, которые имѣютъ основаніе быть недовольными существующимъ порядкомъ вещей, — къ общему началу свободы. Эта же свобода въ Россіи необходима вообще, а въ частности въ области мнѣній необходима и для самихъ людей положительно научнаго образованія, которое въ Россіи такъ же не признано закономъ, какъ и многія «недозволенные вѣрученія и сееты».

Съ этими общими соображеніями мы приступаемъ къ обсужденію того явленія, которое намѣчено въ заглавіи настоящей статьи. Явленіе это состоитъ въ томъ, что Санктпетербургскій Святѣйшій Синодъ не только закрѣпощаетъ совѣсть всѣхъ жителей Россіи, которыхъ предки записаны были въ число православныхъ греко-восточнаго исповѣданія, но вообразилъ себя собственникомъ и языковъ, на которыхъ они говорятъ, и присвоилъ себѣ власть надъ литературою на этихъ языкахъ, которая имѣетъ какое бы то ни было соприкосновеніе съ религіею, хотя бы эта литература назначалась для нравственныхъ потребностей совѣсти не православныхъ населеній. Всего страннѣе, что подобное, явно ненормальное положеніе дѣлъ не понимается должнымъ образомъ даже и тѣми, кто имѣетъ основаніе быть недовольнымъ частными примѣненіями таковой, вполне бессмысленной монополіи Святѣйшаго Синода.

Въ самое послѣднее время въ русской печати, — преимущественно въ Петербургѣ и въ Киевѣ, — всплывалъ нѣсколько разъ одинъ вопросъ, по поводу котораго во всякой цивилизованной странѣ непремѣнно подвѣргнута бы была критикѣ и вся система вышеупомянутой монополіи Святѣйшаго Синода, — по въ Россіи такова сила привычки къ подчиненію не только па дѣлу, но даже и въ мысляхъ самымъ противоестественнымъ нецѣлостямъ существующаго строя, что, при самой удобной оказіи, эта монополія осталась вовсе незатронутою даже въ принципахъ. Вопросъ, о которомъ мы говоримъ, касается перевода библіи на украинскій языкъ.

Вкратцѣ ходъ этого вопроса въ Россіи въ послѣднее время представляетъ слѣдующее: въ 1862 г. г. Костомаровъ съ своими друзьями изготавилъ переводъ Новаго Завѣта, который былъ представленъ въ Академію Наукъ и былъ одобренъ ею со стороны научно-литературной. Затѣмъ, для проведенія въ печать этого перевода, оказалось необходимымъ представить его въ Св. Синодъ, который одинъ имѣетъ въ Россіи право изданія книгъ св. Писанія. Синодъ же въ это время подпалъ подъ вѣщее вліяніе катковско-обрусительнаго направленія, которое вскорѣ затѣмъ перенесено было гр. Дм. А. Толстымъ и въ администрацію свѣтскихъ школъ, — потому не только не согласился взять на себя печатаніе украинскаго перевода Новаго Завѣта, но запретилъ (въ 1863 г.) духовнымъ цензорамъ пропускать какія бы то ни было украинскія книги религіознаго содержанія, а священникамъ говорить проповѣди на «простонародныхъ нарѣчіяхъ», — каковыя распоряженія постоянного помѣстнаго собора Всероссійскія церкви остаются въ силѣ и до сихъ поръ.

Въ свое время многіе обидѣлись такимъ поведеніемъ Св. Синода и находили его противнымъ принципамъ и интересамъ православной церкви, но, сколько помнится, никто не занкнулся о томъ, что, напр., запрещеніе печатанія по крайней мѣрѣ перевода Библіи совсѣмъ выходитъ за кругъ компетенціи Св. Синода, какъ вѣдомства, хотя и господствующей, но все таки одной только изъ церквей населенія Россіи. Никому и въ голову не пришло, что такой переводъ можетъ по-

надобиться и не одним православным людям украинского языка. Но вот прошло почти двадцать лет. В прошлом году выходит в Вѣнѣ полное издание «Новаго Завѣта» на украинскомъ языкѣ, въ переводѣ гг. Кулиша и Пулюя (четыре евангелія вышли еще въ 1870 — 71 гг., Пятикнижіе, Іовъ и псалтырь около того же времени, частью раньше, частью позже). Это было время «вѣяній», — и въ петербургскихъ и кievскихъ изданіяхъ (Русская Старина, Вѣстникъ Европы, Страна, Заря и пр.) появились извѣстія объ этомъ переводѣ съ прибавленіемъ пожеланій, чтобы или этотъ переводъ, или же прежній, Костомаровскій, былъ дозволенъ и въ Россіи. Нѣкоторые усердные украинофилы доходили даже до общаго уничтожить столь грозную для православія на Украинѣ штунду, посредствомъ украинскаго перевода Библии. Были и такіе, которые, послѣ всѣхъ похвалъ переводу гг. Кулиша и Пулюя, все таки допускали возможность, что Синоду этотъ переводъ не понравится, и, на этотъ случай, или рекомендовали переводъ г. Костомарова, или же взывали къ самому Синоду, чтобы онъ самъ отъ себя выработалъ вполнѣ православный переводъ Библии на украинскій языкъ, лишь бы только онъ не лишалъ православный народъ на Украинѣ священнаго писанія на его родномъ языкѣ. Святѣйшій Синодъ, который едва собрался на изданіе (непопулярное) Библии на великорусскомъ языкѣ и который въ дешевомъ изданіи распространяетъ — и то съ сравнительно недавняго времени — Новый Завѣтъ на немовѣрномъ языкѣ, который онъ называетъ «русскимъ нарѣчіемъ», конечно, не внялъ украинофильскимъ мольбамъ, тѣмъ болѣе, что члены его, очевидно знающіе всеобщую исторію періода реформациі лучше многихъ украинофильскихъ публицистовъ и даже ученыхъ, — не могли соблазниться и общаіемъ уничтожить штунду и шалопутство посредствомъ украинскаго перевода Библии.

Не смотря на таковую закоренѣлость св. Синода, опять никто (кроме отчасти одного изъ рецензентовъ на изданіе гг. Кулиша и Пулюя) — даже и не заикнулся, что переводъ Библии на извѣстный языкъ есть въ сущности дѣло литературное, или, если уже и церковное, то вовсе не дѣло одного какого либо вѣроисповѣданія. Никто не догадался поставить вопросъ объ украинскомъ Новомъ Завѣтѣ на такую напр. точку, что — моль, если онъ не правится Св. Синоду, то, можетъ быть, онъ понравится католикамъ, униатамъ, наконецъ, штундистамъ или даже шалопутамъ (людямъ божіимъ) украинскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ: Св. Синодъ, какъ официальный представитель интересовъ православной церкви на Украинѣ, можетъ находить выгоднымъ для своей церкви, чтобы паства ея не понимала священнаго писанія, какое ей читаютъ въ православныхъ храмахъ, можетъ предпочитать интересы обрушенія интересамъ пропаганды православія. Конечно, апостолъ Скрипін, Андрей Первозванный, папа которымъ во время сошествія св. Духа, несомнѣнно вѣсилъ въ огненномъ видѣ языкъ Украинскій, не оставитъ такое поведеніе петербургской духовной канцеляріи

безъ обжалованія передъ престоломъ Всевышняго. Но все это дѣло православной церкви и представляющей ее канцеляріи. А какое она имѣетъ право лишать украинской Библии людей неправославныхъ исповѣданій, наконецъ, безвѣроисповѣдныхъ любителей литературы, для которыхъ библія есть такой же памятникъ, какъ Веды, Зендавеста, Илиада и т. п.? Нигдѣ въ образованномъ мірѣ, даже тамъ, гдѣ остались господствующія церкви, духовенство этихъ послѣднихъ не имѣетъ подобнаго права: ему предоставлено только право издавать или не издавать религиозныя книги для людей своего вѣроисповѣданія. Оттого въ западной Европѣ есть изданія и переводы напр. Библии, сдѣланныя въ интересахъ разныхъ вѣроисповѣданій, а также и безвѣроисповѣдной свободной науки, — о какой въ Россіи не позволено даже и заикаться ученымъ, не смотря на то, что казна считаетъ долгомъ посылать русскихъ доцентовъ доучиваться въ Европѣ*).

Въ Западной Европѣ не вѣрятъ, если разсказывать, что протестантскіе пѣтистическіе гимны на русскомъ языкѣ, изданные нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, должны были пройти черезъ цензуру православнаго духовенства, — что не мѣшало, однакожъ, православнымъ священникамъ и ставровымъ приставамъ въ Киевской губерніи конфисковывать ихъ изъ рукъ тамошнихъ штундистовъ. Многіе образованные русскіе не вѣрили намъ, когда мы имъ сообщали, что русскій переводъ Пятикнижія для евреевъ нужно было печатать — въ Берлинѣ. Такъ, какъ въ Россіи одинъ только Святѣйшій Синодъ имѣетъ право (и монополию) печатать Библію, а тѣмъ болѣе на русскомъ языкѣ, то евреямъ русская церковная политика представила альтернативу: или принять Пятикнижіе въ православной редакціи и посѣть въ синагоги его изданія съ значкомъ распятаго ими за «богохульство» Іисуса, — или же отказаться отъ мысли сблизиться съ русскими, по крайней мѣрѣ, по языку, даже въ религиозной жизни, какъ они сблизились напр. съ нѣмцами въ Германіи. И подобныя нелѣпости, — по истинѣ шедринскія «благотупости», — практикуются въ эпоху вищихъ заботъ объ «обрушеніи инородцевъ»!

Исторія этихъ послѣднихъ заботъ, въ ея религиозномъ отдѣлѣ, выдвинула одинъ рядъ явленій столь же курьезныхъ, какъ и сейчасъ разсказанныя приключенія штундистскихъ гимновъ и еврейскаго Пятикнижія. Мы разумѣемъ курьезы вопроса «о распоряженіи католичества» въ Западномъ Краѣ, вопроса къ которому вновь начинаетъ подходить «Русь» въ статьяхъ о Бѣлорусіи. До самой половины 60-хъ годовъ не только православные, но и вольнодумцы въ Россіи были твердо убѣждены, что православіе — вѣра русская, а, соотвѣтственно тому, католицизмъ — вѣра польская, а протестанство — пѣ-

мецкая (нѣкоторые петербуржцы прибавляли еще — и чухонская). Убѣжденіе это было до того крѣпко, что Императоръ Николай I запретилъ пастерамъ проповѣдовать даже обрусѣлымъ солдатамъ католикамъ изъ западныхъ губерній иначе, какъ по польски, и что даже въ Тифлисѣ католическій календарь для армяно-католиковъ (!) печатался по польски, пока г. Катковъ не открылъ тутъ, — конечно, не російскую благоглупость, а «польскую интригу». Вдругъ, въ 1865 г. для вящаго пораженія этой интриги выдуманно было слово «обрусеніе» и выдуманно, конечно, не своимъ умомъ, а въ подражаніе прусской германизаціи. Прежде всего съ этимъ обрусеніемъ полѣзли въ т. наз. Западный Край, кстати же онъ тогда былъ признанъ исконо «русскимъ» (конечно, въ московскомъ смыслѣ этого слова) не только въ его бѣлорусскихъ и украинскихъ частяхъ, но даже и въ жмудско-литовскихъ. И вотъ оказалось, что въ этомъ краѣ католическое добавочное къ латинскому богослуженію и проповѣдь производятся на польскомъ языкѣ. Какъ тутъ быть? Терпѣть языкъ интриги не возможно, — но и осквернить православный русскій языкъ католицизмомъ и открыть послѣднему путь къ пропагандѣ среди русскихъ — тоже нельзя. Среди этихъ двухъ посылокъ вертѣлись въ 1865—1867 гг. печатныя и устные препирательства катковцевъ и аксаковцевъ въ администраціи и обществѣ. Одинъ очевидецъ и вполнѣ добросовѣстный челоѣкъ передавалъ намъ въ свое время споръ между двумя поборниками православія и обрусенія въ Киевѣ, извѣстнымъ тайнымъ совѣтникомъ и явнымъ доносчикомъ, Юзефовичемъ, и тогдашнимъ попечителемъ, потомъ товарищемъ министра, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, о томъ, что же дѣлать въ виду выше изложенной дилеммы? Оба патриота своего отечества наконецъ помирились на томъ, что хорошо было бы, запротивъ въ Западномъ Краѣ польскій языкъ и въ церкви, замѣнить его и въ добавочномъ богослуженіи — латинскимъ, а проповѣдь? Зачѣмъ палежской вѣрѣ проповѣдь?! Среди такихъ нелѣпостей вопросъ о языкѣ въ церквяхъ разныхъ вѣроисповѣданій западной полосы Россіи долженъ былъ запутаться, — и такъ какъ status quo былъ за польскій языкъ въ католической церкви, то поле и осталось за нимъ въ ожиданіи, когда вновь гг. Катковы и Аксаковы поднимутъ опять запутанный вопросъ и по сему случаю полиція вновь начнетъ впутываться въ вопросы совѣсти десятковъ, если не сотенъ тысячъ индивидуумовъ. *)

А между тѣмъ нѣкоторое изученіе литературной жизни въ томъ же Западномъ краѣ открыло, что именно до присоединенія этого края къ государству російскому здѣсь католицизмъ не былъ синонимомъ полонизма и что «русскій» языкъ здѣсь былъ въ употребленіи и у православныхъ, и у униатовъ, и у католиковъ, и у протестантовъ. Правда, что этотъ «русскій» языкъ не былъ тотъ, которому единому теперь официально при-

*) Ну, кто въ Россіи теперь смѣетъ даже мечтать о такомъ напр. изданіи, какъ недавно законченный французскій трудъ страбургскаго профессора Ресса (Reuss — La Bible. Traduction nouvelle avec introduction et commentaires), который окончательно ставитъ на твердую научную почву всѣ вопросы, связанныя съ исторіей сложенія Ветхаго и Новаго Завѣта? ?

*) Кстати же, какъ видно изъ свѣдѣній сообщенныхъ въ прошломъ № «В. Сл.», къ этому вопросу подошли и переговоры русскаго правительства съ папою.

своею это имя, т. е. это был язык не великорусский (по западно-русскому, московский), а местный народный язык — на севере белорусский, на юге украинский, на которых и до сих пор ходит в Западном крае не мало песен и стихов о предметах религиозной жизни, начиная от молитв и оканчивая сатирою на духовных и даже на святых, во вкусе западных сатир и пародий реформационного времени (кой что из белорусского матерьяла в таком роде издано в сборник Шенна, из украинского в сб. г. Чубинского и нашем *). Идея тождества католицизма с полонизмом в Западном крае есть идея новая, порожденная не столько «польскою интригою», сколько российской благоглупостью, которая отождествила русскую национальность с православием, а это последнее отдала в руки духовной канцелярии, и потому логически должна была признать неправославные исповедания «иностранными» и отдать их в ведение соответствующих канцелярий иностранного же характера. В довершение всего, благоглупость сия вполне противна всей до — российской культурной истории именно тех элементов населения западной России, которые враги «польской интриги» иной раз зовут псковно-русскими, а в другой не-чисто-русскими.

Откуда же явилась в России вышеупомянутая благоглупость? — Да ни откуда, как из того, что было Московским государством, преданиями которого некоторые остроумные люди думают спасти и облагодетельствовать всю Россию и даже все славянство в настоящем и будущем! Обратившись к истории изложения Библии на живых языках, которым придавали имя языка «русского», мы увидим, что с самого начала своего это изложение вовсе не связывалось исключительно с православием или с какою нибудь другою церковью. Первый перевод Библии, который присвоил себе имя русского, была «Библия Руска» доктора Фр. Скоринны, католика из Белоруссии, сделанная в начале XVI в. языком крайне близким к народному белорусскому. Не много спустя, белорус же, протестант и даже социалист, Сим. Будный, переводит на тот же язык протестантский катехизис с текстами из Библии. Один из старших опытов перевода Библии на украинский язык, так называемое «Пересопницкое Евангелие», переложенное в XVI же в. «с языка болгарского (церковно-славянского) на мову рускую», сделан был православным и даже духовным, но с умыслом разделен так, чтобы мог служить и католикам, и православным. **) Этот примѣръ, равно как и от-

носительная многочисленность опытов переложения разных частей Библии на языки, близкие к живым языкам народа в Белоруссии и на Украине в XVI ст., свидетельствуют, что в этих странах, открытых тогда общеевропейским влиянием эпохи возрождения наук и реформации, религиозная и вообще культурная жизнь шла по дорогѣ демократизации и свободы, из которых только первая может дать прочную основу культуре и только вторая может дать надлежащий психодический кризис нравственной, как и политической жизни.

Совсем иное мы видим в тогдашней Москве, которая послѣ разорения Новгорода и Пскова, к несчастью, стала в главѣ великороссийскаго племени. Москва слишком была удалена от культурных стран Европы и слишком долго провозилась почти исключительно с татарами, а потому и привыкла считать всякаго иноверца поганым. Религиозно-культурная жизнь Великороссии замкнулась в рамки монополярной, и следовательно трижды мертвого православия. В Москве не было и мысли о том, что русский человек может быть не-православным, — и в то же время не было мысли и о том, что религия должна считаться с живым языком человека. Зѣсь поэтому довольствуются старым и чужим, ставшим вполне обрядовым, языком церковно-славянским.

Конечно, разноречие стремится проникнуть и в Москву, но идет оно от чужих и само находит нужным считаться с мертвенно-обрядовым церковным языком этой страны. В XVI в. в Стокгольме появляется перевод на этот язык катихизиса Лютерова, для ввоза в северную область России, к ужасу московских иерархов. В XVII в. уже одни потребности правитель-

Полтавские духовные узнали, какое сокровище они имеют, и в 1773 г. полтавский архіерей представил рукопись проѣзжавшему там министру и обер-прокурору Синода, гр. Толстому. Конечно, украинское евангелие XVI в. было укором человеку, принимавшему дѣятельное участие в запрещеніях украинской литературы XIX в. Гр. Толстой и архіерей распорядились так, чтобы архіерей подарил Пересопницкое евангелие обер-прокурору, — хотя рукопись есть собственность семинарии. Между темъ комитет по устройству в Киевѣ археологическаго съѣзда и выставки обратился к полтавской семинарии с просьбой доставить ему на время съѣзда этот замѣчательный памятник. Конференція семинарии соглашается, — но архіерей заявляет, что рукопись предоставлена имъ в распоряженіе гр. Толстого, а потому и не может быть отправлена в Киевъ. Комитет обращается к гр. Толстому и получает тоже отрицательный отвѣтъ, мотивированный тѣмъ, что онъ, гр. Толстой, должен о рукописи Государю, который повелѣлъ представить ему рукопись «на высочайшее воззрѣніе». Конечно, если бы и такъ, то осталось скорѣе показать рукопись Государю, — да и отправить в Киевъ. Но, во первыхъ, какъ разъ в августѣ 1874 г., Государь дѣлалъ смотръ войскамъ, а не рукописямъ, а, во вторыхъ, гр. Толстой именно не желалъ, чтобы укорительную для него и Синода рукопись зрѣлъ ученый мѣръ. На томъ дѣло и стало. Что теперь стало съ Пересопницкимъ евангелиемъ, не извѣстно. — На дняхъ мы узнали, что еще новый украинскій переводъ Новаго Завета и при томъ сделанный свѣтскимъ человекомъ, тоже в XVI ст. в Хоросевѣ, в нын. Киевской губерніи, найденъ в Михайловскомъ монастырѣ в Киевѣ. Любопытно будетъ посмотришь, какъ его будутъ прятать от публики.

ства заставляютъ его привлекать в Москву иностранцев и, следовательно, иноверцев и, такимъ образомъ, признать возможность сожительства разноречивъ в одномъ государствѣ. Но признаніе это имѣетъ мало общаго съ дѣйствительною религиозною свободою, которая около этого времени начинается рѣшительно входить в права и учрежденія Западной Европы и которую в западной Россіи, находившейся тогда подъ властію Польши, не смогла уничтожить даже іезуитская политика. В Москвѣ образуется тотъ modus vivendi съ разноречивами, который потомъ сталъ обязательнымъ и для всей Россіи и остается въ силѣ и до сихъ поръ. Этотъ modus vivendi состоитъ в томъ, что за иностранцами сохранена свобода богослуженія, но безъ права пропаганды, а свои признаны на вѣки крѣпостнымъ православною церковью, которая къ тому же получила окончательно іерархическую, а потомъ іерархо-бюрократическую организацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся культурная жизнь обязательно-православнаго населенія, имѣющая такое или иное соприкосновеніе съ религіей, отдается въ монополярное завѣдываніе этой бюрократической іерархіи.

Петръ Великій, котораго московскіе восточники, какъ и петербургскіе западники, считают такимъ разрушителемъ московскихъ порядковъ и преданій, — и въ области религиозной, какъ и во многихъ другихъ, не только не сдѣлалъ никакой существенной реформы, но даже дальше развилъ принципы московской жизни, хотя и далъ имъ европейскій мундиръ, и при томъ не столько новаго покроя, въ стилѣ начинавшагося тогда XVIII ст., сколько отжившаго XVII ст. Учредивъ духовную коллегію, Синодъ, онъ теперь окончательно подчинилъ ей всю духовную жизнь обязательно-православнаго населенія, в томъ числѣ и религиозную литературу.

По мѣрѣ поступленія областей украинскихъ и белорусскихъ подъ управленіе московскаго и петербургскаго государства и церкви, великорусскіе порядки навязывались и этимъ областямъ. Попала подъ эти порядки и религиозная литература Украины и Белоруссии. В 1720 г. Петру I донесено было, что въ книгахъ, напечатанныхъ въ Черниговѣ (куда, кстати сказать, Петръ посылалъ москвичей учиться типографскому искусству и дѣланію чернилъ), напечатано нѣсколько книгъ со слѣдами «лютерскихъ» ученій и что въ Киевѣ тоже выходятъ книги «со многою противностію восточной церкви». Вслѣдствіе этого, изданія украинскихъ типографій подчинены были цензурѣ петербургскаго синода (такой цензуры требовалъ еще патриархъ московскій въ 1689 г.) Тѣмъ же указомъ велѣно было киевскія и черниговскія церковныя книги «с такими же церковными книгами справлять, прежде печати, съ тѣми великороссийскими печатями, дабы никакой розни и особаго наръчія въ оныхъ не было». Послѣ такого указа нечего было и думать о продолженіи начатыхъ в XVI и XVII в. опытовъ сближенія церковнаго языка съ народнымъ ни въ Украинѣ, ни потомъ в Белоруссии, ни православнымъ, ни тѣмъ иноверцамъ, которые не имѣли за собою государственнаго авторитета раньше

*) Малорусскія народныя преданія и рассказы. 1876. Киевъ.

**) Съ Пересопницкимъ евангелиемъ случилась въ самое послѣднее время цѣлая исторія, характеризующая положеніе въ Россіи науки вообще, а особенно науки объ Украинѣ. Послѣ долгихъ похождений эта замѣчательная, по языку, письму и рисункамъ рукопись попала въ бібліотеку переяславской семинарии и была описана, впрочемъ, очень было, старыми украинскими (Бодянскими и др.). Съ переносомъ семинарии въ Полтаву перѣехала туда, и рукопись. Тамъ ее изучалъ в 1872 г. молодой украинскій ученый, г. Житецкій, который и сдѣлалъ хорошее описаніе ея съ большими извлеченіями въ трудахъ Киевск. Археолог. Съѣзда 1874.

нения къ Россіи, какъ остзейскіе нѣмцы, или привислинскіе поляки.

Такъ замерли зачатки украинской и бѣлорусской народной литературы, сначала религиозной, а потомъ и школьной и культурной вообще. Въ самой привилегированной Вѣликороссіи свѣтская культурная литература должна была, конечно, развиваться, такъ какъ она требовалось даже нуждами правительства, и, конечно, должна была постепенно сближаться съ народнымъ языкомъ. Но въ церковной жизни осталась древнеболгарская мертвечина. Только въ XIX в., подъ влияніемъ западно-европейскаго піетизма, основывается Россійское Библейское Общество и предпринимаетъ изданіе библіи на живыхъ языкахъ,—но въ то время уже овеликорушеннымъ заправителямъ русскаго просвѣщенія не пришло и въ голову издать переводы украинскій или бѣлорусскій. Впрочемъ, русскіе православные іерархи нашли ересь изданіе даже библіи «на русскомъ нарѣчій», и, какъ извѣстно, такое изданіе не было пущено въ публіку и залегло въ подвалы св. синода;—лондонскіе же его перепечатки строго преслѣдовались во все время царствованія Николая I. Только лѣтъ двадцать назадъ, послѣ того, какъ герценовская типографія предприняла свое изданіе русской библіи, изданіе Библейскаго Общества было перенезано св. Синодомъ. Но этому изданію еще очень далеко до живаго великорусскаго языка.

На Украинѣ съ самаго начала литературнаго возрожденіе въ XIX ст. ходила мысль объ изданіи библіи на языкѣ вполне «простонародномъ», — и въ 30-е и 40-е годы было дѣлаемо къ тому нѣсколько опытовъ, которые, конечно, должны были остаться въ рукописяхъ. Только въ 60-е годы съ подобнымъ опытомъ рѣшились попробовать выступить печатно. Какую судьбу имѣла эта проба,—разсказано выше. Тупость, обрусительность и, главное, монополія св. Синода легли камнемъ на эту пробу,—какъ лежатъ онѣ камнемъ на развитіи религиозной жизни и на свободѣ совѣсти всѣхъ населеній Россіи, какъ обязательно-православныхъ, такъ и неправославныхъ. Для насъ самое важное въ неудачѣ этой пробы — это общая сторона вопроса, а именно та монополія изданія библіи на извѣстныхъ языкахъ, которая присвоена себѣ главной духовной православною канцеляріею. Эта же монополія есть одно изъ проявленій еще болѣе общей ненормальности: смѣшенія понятій о церкви, государства и національности. Смѣшеніе этихъ понятій нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, сохранившей и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, старомосковскіе порядки. Нигдѣ также это смѣшеніе не производило такихъ возмутительныхъ нелѣпостей, какъ тѣ, которыхъ нѣсколько примѣровъ намѣчено и въ настоящей статьѣ.

Уже и эти нелѣпости нарушаютъ права интересы огромнаго числа индивидуумовъ. значеніе этихъ нелѣпостей станетъ еще важнымъ, если мы подумаемъ, что онѣ язааны съ общей религиозной политикой Россіи, съ такими явленіями, какъ

принудительные законы о смѣшанныхъ бракахъ, шиканы и явные притѣсненія желающихъ оставить православіе латышей и эстовъ въ остзейскомъ краѣ, канцелярскія обращенія въ православіе католиковъ въ Бѣлоруссіи, преслѣдованіе раскольниковъ и штундистовъ и, наконецъ, драгонады губернаторовъ противъ мусульманъ въ Казанской губерніи и противъ уніатовъ Хомско-Сѣдлецкаго края и т. п., и т. п. Всѣ эти нелѣпости, шиканы, преслѣдованія и кровавыя злодѣяства вопіютъ о существованіи въ Россіи вопроса объ отношеніи церкви и государства въ гораздо болѣе важныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ проявляется въ западной Европѣ. И въ Россіи вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться только полнымъ отдаленіемъ религіи отъ политики, т. е. упраздненіемъ государственной церкви и признаніемъ всѣхъ разновѣрій равноправными частными обществами, къ которымъ каждый воленъ принадлежать и не принадлежать,—чему, конечно, должна соответствовать полная свобода слова и печати по всѣмъ вопросамъ вѣры и невѣрія. Это единственное правильное примѣненіе начала свободы совѣсти, одной изъ существеннѣйшихъ потребностей человѣческой природы и одного изъ необходимыхъ условий нормальной общественной жизни.

Намъ кажется, что вопросъ о такомъ радикальномъ примѣненіи этого начала въ Россіи долженъ быть поставленъ теперь же, какъ часть важнѣйшаго теперь для Россіи вопроса о политической свободѣ. Самые разнообразные элементы населеній Россіи, начиная отъ свободныхъ мыслителей и разновѣрцевъ всѣхъ видовъ и до самыхъ искренно-религиозныхъ людей среди самихъ православныхъ, которые не довольны канцелярскимъ характеромъ теперешней ихъ церкви, заинтересованы въ такомъ радикальномъ рѣшеніи религиознаго вопроса. Въ европейской же Россіи однихъ лицъ такъ называемыхъ «иностранныхъ исповѣданій» (евреевъ, католиковъ, протестантовъ, магометанъ и пр.) 15 миліоновъ, да изъ 55 миліоновъ официально-православныхъ до 15-ти миліоновъ раскольниковъ и сектантовъ разнаго рода. Такимъ образомъ, не считая свободныхъ мыслителей и недовольныхъ канцеляризмомъ церкви православныхъ, почти половина населенія европейской Россіи прямо заинтересована въ отмѣнѣ теперешняго устройства въ ней церковной жизни. Надо только всѣмъ недовольнымъ этимъ устройствомъ дружно заявить свое недовольство и потребовать приложенія въ сферѣ религиозной жизни той полной свободы, о которой мы говорили выше,—и установленіе этой свободы не замедлитъ послѣдовать. Только такимъ образомъ каждый получитъ свое, — а за тѣмъ, конечно, каждый можетъ идти своею дорогою.

М. Драгомановъ.

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКА ЦЕТИНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Отъ нашего корреспондента).

Которъ. Со стороны Бокки пока все спокойно Австрійцы на Кривошанѣ не нападаютъ, а тѣ производятъ только рѣдкіе набѣги больше съ цѣлью заставить провіантомъ, нежели предпринять что либо серьезное. Слышно, что большая часть Кривошанъ дѣйствуетъ на той сторонѣ горъ, т. е. въ Зубцахъ, въ самомъ южномъ округѣ Герцеговины. Они пошли туда на помощь Зубчанамъ, потому что главныя силы усташей теперь отпавились далеко на сѣверъ и угрожаютъ Коняцѣ и Фотѣ, а часть ихъ перешла водораздѣльную цѣпь горъ и проникла въ Верхнюю Боснію; тамъ теперь и весь интересъ военныхъ дѣйствій.

Не будучи поэтому въ состояніи ничего узнать въ Рисанѣ, я оставилъ этотъ городокъ, въ которомъ накопленіе войска и подозрительность полиціи дѣлаетъ жизнь совершенно невозможной, и перѣхалъ опять въ Которъ, главный центръ военнаго и гражданскаго управленія Бокки и мѣсто остановки для всѣхъ ѣдущихъ въ Черногорію или изъ Черногоріи. Которъ очень оживленъ теперь присутствіемъ властей австрійскихъ, а также европейскихъ дипломатовъ и знатныхъ Черногорцевъ.

Изъ разныхъ источниковъ, здѣсь мнѣ доступныхъ, я выяснилъ себѣ слѣдующіе факты и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что черногорское правительство дѣйствуетъ противъ возстанія и въ пользу Австрійцевъ;

2, но также несомнѣнно и то, что князь Николай преслѣдуетъ при этомъ свои собственныя выгоды.

Агенты, посланные изъ Цетинья къ Кривошанамъ, просто уговариваютъ ихъ покориться Австріи и военному закону, общая заступничество князя въ примѣненіи этого закона.

Иначе говорятъ черногорскіе чиновники съ герцеговинцами. Они увѣряютъ ихъ въ сочувствіи и любви къ нимъ князя, сожалѣющаго, что не можетъ помочь имъ, и потому совѣтующаго имъ бросить теперь борьбу и выселиться въ Черногорію, гдѣ имъ князь дастъ земли, оставшіяся пустыми по уходѣ мусульманъ, какъ напр. на нишичскомъ полѣ. (Земли эти уже розданы въ частное владѣніе черногорскимъ принцамъ и вельможамъ, и потому выселившіеся туда герцеговинцы могутъ только сдѣлаться батраками теперешнихъ собственниковъ. Прим. Ред.)

Предвидя однако, что герцеговинцы на эту удачу не поймутся, тѣмъ болѣе, что многіе изъ присоединенныхъ къ Черногоріи въ 1878 г. округовъ сами выселились оттуда, — агенты князя намекаютъ австрійцамъ, что лучшее средство прекратить возстаніе и затруднить его возобновленіе въ будущемъ, это отдать Черногорію близъ-скій и гацкій округа, мало плодородные и, потому, ненужные Австріи, и воинственное населеніе которыхъ легче будетъ сдерживаться черногорцами.

Бѣдная Герцеговина! видно ея судьба такова, что ея природные друзья все соединяются съ ея врагами, чтобы подѣлать ее между собою. Тоже самое князь Николай предлагалъ и Турціи въ 1875 г., обѣщая ей за это прекращеніе возстанія.

Австрійцы сами выдаютъ князя. Здѣсь разсказываютъ, что пожалованіе ему ордена Леопольда при-